

Стихи о любви

Борис
Пастернак

Свеча горела на столе

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 1-5
П19

Серия «Стихи о любви»

*Издательство выражает
искреннюю благодарность*

Евгению Борисовичу Пастернаку

за помощь в подготовке сборника

*В оформлении обложки использована репродукция
картины Густава Климта «Любовь»*

П19 **Пастернак, Борис Леонидович**

Свеча горела на столе / Борис Пастернак. — Москва:
Издательство АСТ, 2018. — 255, [1] с.: ил. — (Стихи о любви).

ISBN 978-5-17-106579-9

Судьба Бориса Пастернака являет собой невероятный пример безупречной и счастливой жизни в эпоху исторических катаклизмов. «...И ни единой долькой не отступаться от лица...» — эти строчки могли бы стать эпитафией не только к его творчеству. Он не шел на открытую конфронтацию с властью, он не воевал с возлюбленными, и при этом всегда оставался самим собой — Поэт, «небожитель», «счастливчик», влюбленный в жизнь, природу, искусство, женщин...

© Борис Пастернак, наследники, 2017

© Оксана Сабурова, сост., вступит. ст., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«И не кончается объятье...»

10 февраля 1890 года в семье художника Леонида Осиповича Пастернака и пианистки Розалии Исидоровны (урожденной Кауфман) родился первенец. Сына назвали Борисом.

Детство будущего поэта прошло в атмосфере искусства. Семья жила в помещении училища Живописи, ваяния и зодчества, где Леонид Осипович преподавал. В доме у Пастернаков часто устраивались домашние концерты, велись разговоры о живописи, музыке и литературе. В гостях у них бывали большие музыканты, писатели, художники. Леонид Осипович был дружен с И. И. Левитаном, В. А. Серовым, В. Д. Поленовым, Н. Н. Ге. В 1893 году на выставке Товарищества передвижников он познакомился со Львом Толстым.

Одним из самых важных событий отрочества поэта стала встреча с А. Н. Скрябиным, которая произошла в 1903 году. Пастернаки проводили лето на даче, в имении Оболенском, рядом с Малоярославцем. Недалеко от них жили Скрябины. И было слышно, как на соседней даче кто-то сочиняет музыку.

«Боже, что это была за музыка! Симфония беспрерывно рушилась и обваливалась, как город под артиллерийским огнем, и вся строилась и росла из обломков и разрушений», — вспоминал Пастернак.

Леонид Осипович свел знакомство со знаменитым композитором, и они стали дружить «домами». Хотя «музыкально лепетать» Борис начал еще до встречи со Скрябиным, именно знакомство с ним самым решительным образом повлияло на его стремление посвятить свою жизнь музыке. С 1903 года, с первых встреч со Скрябиным, Пастернак не мыслил своей жизни вне музыки.

«Больше всего на свете я любил музыку, — писал Пастернак, — больше всех в ней — Скрябина».

В 1908 году Пастернак окончил гимназию — с золотой медалью. Как медалист он без вступительных экзаменов был зачислен на первый курс юридического факультета Московского университета. Выбор факультета был обусловлен по большей части тем, что занятия там были не слишком обременительными и оставалось достаточно свободного времени для занятий музыкой, которой он занимался частным образом. В 1911 году Пастернак предполагал сдавать экзамены за окончание консерваторского курса.

Однако этим планам не дано было осуществиться. В 1909 году Пастернак решил отказаться от музыкального поприща. Причин было много, одна из них — отсутствие у него абсолютного слуха, то есть способности узнавать высоту любой произвольно взятой ноты. Впрочем, занятия музыкальной импровизацией он не оставлял вплоть до 1930 года.

По совету Скрябина, Пастернак переводится с юридического факультета на философское отделение историко-филологического. Сфера его интересов — феноменология и философия истории. Он штудирует Канта, Юма и Гуссерля. К этому же времени относятся и его первые поэтические опыты. Стихотворения этого периода Пастернак никогда не включал в свои книги, и они были опубликованы по черновикам лишь 1970-е годы.

Первым удачным стихотворением Пастернак считал «Февраль. Достать чернил и плакать...». Оно было написано в 1912 году. Впоследствии поэт открывал им свой первый стихотворный цикл «Начальная пора», а потом все его сборники открывались именно этим стихотворением.

Весной 1912 года Пастернак отправляется в Германию — это его первая самостоятельная заграничная поездка. Цель путешествия — Марбург, небольшой университетский город, где в течение трех месяцев ему предстояло совершенствоваться в области философии, а заодно и проверить, действительно ли лежит к ней его душа. Оказалось, что не лежит. За время пребывания в Германии

он полностью охладел к философии и расстался с ней так же решительно, как три года назад расстался с музыкой. В Марбурге произошел и другой разрыв — оборвался его платонический роман с Идой Высоцкой, в которую Пастернак был влюблен с гимназических лет.

Она была дочерью чаезаводчика Высоцкого, семья которого жила в Чудовом переулке, недалеко от Мясницкой, где находилось Училище живописи, ваяния и зодчества. Пастернаки дружили с Высоцкими, и Борис познакомился с Идой, когда та была еще подростком.

Память об этой любви оказалась долгой. Спустя годы после разрыва Пастернак обращался к Иде Высоцкой в своей лирике. Он посвятил ей знаменитый «Марбург» (1916) и одно из лучших стихотворений этого периода «Отрывок из поэмы» (1916).

В 1913 году состоялся его дебют в печати. Пять стихотворений («Февраль...», «Сегодня мы исполним грусть его...», «Сумерки», «Я в мысль глухую о себе...» и «Как бронзовой золой жаровень...») вошли в альманах «Лирика», первой книги одноименного издательства.

Альманах вышел в апреле тиражом в 300 экземпляров, а месяц спустя Пастернак окончил университет, сдав в качестве кандидатского сочинения работу о теоретической философии Когена. Примечательно, что за дипломом Пастернак так и не явился, и он до сих пор хранится в архиве Московского университета.

В конце этого же года была напечатана первая книга его стихов «Близнец в тучах». Книга осталась почти незамеченной. Немногочисленные отзывы были в основном критические. Лишь в обзорной статье Брюсова о книге Пастернака упоминалось вполне благожелательно. Чувство благодарности Брюсову Пастернак пронес через всю жизнь.

Началась Первая мировая война, и Пастернак решил записаться добровольцем, но его отговорил ненадолго приехавший с фронта Сергей Листопад, сын философа Льва Шестова. С «трезвой положительностью» он рассказал ему о войне, предупредив, что Пастернак «найдет там нечто прямо противоположное тому, что

рассчитывает увидеть». Сергей Листопад погиб в первом же бою по возвращении на позиции. В Москве у него осталась невеста, Елена Виноград, которой спустя несколько лет Пастернак посвятит книгу замечательной любовной лирики «Сестра моя, жизнь». Впрочем, уже в книге «Поверх барьеров», вышедшей в 1916 году, Пастернак заявил о себе как о вполне состоявшемся поэте. Здесь впервые прозвучала поэтическая декларация, которой Пастернак следовал на протяжении всей жизни:

Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.
Расти себе пышные брыжи и фигмы,
Вбирай облака и овраги, —
А ночью, поэзия, я тебя выжму
Во здравие жадной бумаги.

И хотя книга вышла со множеством опечаток (корректуру сборника он не смотрел), она его очень порадовала: «Мне нравится книжка. Что ни говори — она — (...) мало на что-нибудь, кроме себя самой, похожа».

1917 год обрушился на Россию двумя революциями — февральской и октябрьской. Промежуток между ними, по признанию Пастернака, странным образом стал самым счастливым периодом в его жизни и был ознаменован страстной влюбленностью в Елену Виноград и небывалым творческим подъемом, который впоследствии не повторился.

За полгода Пастернак пережил всю гамму чувств, сопутствующую любовным драмам: от надежды на взаимность и страстного желания близости до полного отчаяния из-за непреодолимой холодности и отчужденности возлюбленной.

Лирическим дневником этой истории стала книга стихов «Сестра моя, жизнь». В ней, как писал поэт, нашли выражение «совсем не современные стороны поэзии»: «...мне стало совер-

шенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали». Любовь разыгрывается в книге на фоне космических, революционных событий лета 1917 года, и черты любимой поэт «врисовывает» в эту бурю и летящие по небу грозные тучи. «В это знаменитое лето 1917 года, в промежутке между двумя революционными сроками, казалось, вместе с людьми митинговали и ораторствовали дороги, деревья и звезды. Воздух из конца в конец был охвачен горячим тысячеверстным вдохновением и казался личностью с именем, казался ясновидящим и одушевленным, — вспоминал Пастернак то время. — Это ощущение повседневности, на каждом шагу наблюдаемой и в то же время становящейся историей, это чувство вечности, сошедшей на землю и повсюду попадающей на глаза, это сказочное настроение попытался я передать в тогда написанной по личному поводу книге лирики “Сестра моя, жизнь”».

«Сестра моя, жизнь» принесла Пастернаку известность. Он стал любимцем читающей молодежи. Книга еще не была опубликована, а стихи из нее уже знали наизусть — их переписывали от руки и распространяли в списках. В 1920 году по силе дарования и популярности Пастернака ставили рядом с Маяковским.

В голодное послереволюционное время поэту пришлось продавать книги, иногда друзья присылали продовольственные посылки. Рассчитывать в это время на издание собственных книг не приходилось, и Пастернак мог что-то заработать лишь переводами для издательства «Всемирная литература»: драмы Клейста, Бен Джонсона, Ганс Сакс, Гете.

В 1921 году родители и две сестры Пастернака уехали в Германию — в Россию они больше не вернутся. В этом же году Пастернак познакомился с художницей Евгенией Лурье; он подарил ей краски, оставшиеся от отца, а через несколько месяцев она стала его женой, еще через год родила ему сына — Евгения.

Брак с Евгенией Владимировной продлился десять лет. Она была натурой тонко чувствующей и вместе с тем человеком капризным и совершенно беспомощным в быту. Ее любовь к мужу, восхищение его стихами сочетались с резкой

критичностью по отношению к тому, что он делал и говорил. Она могла его прилюдно одергивать и спорить с ним без всякой «почтительности». Вспоминая о браке с Евгенией Владимировной, Пастернак писал:

«У меня за годы жизни с ней развилась неестественная, безрадостная заботливость, часто расходящаяся со всеми моими убеждениями и внутренне меня возмущающая, потому что я никогда не видел человека, воспитанного в таком глупом, по-детски бездеятельном ослепляющем эгоизме, как она».

Причиной расхождения Пастернака с Евгенией Владимировной стал все же не ее «ослепляющий эгоизм», а то, наверное, что оба они были художниками и оба нуждались в заботе и освобождении от житейских тягот.

Растущий разлад в семье сопровождался ощущением полного литературного и человеческого одиночества. Пастернак чувствовал себя чужим в Советской республике. И хотя к концу двадцатых он уже признанный авторитет, автор одобренных критикой и читателем поэм «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт», ему все труднее шагать в ногу со временем.

Вершиной творчества Пастернака 1920-х годов стал роман в стихах «Спекторский», основное настроение которого совпало с мироощущением самого поэта:

Светает. Осень, серость, старость, мать.
Горшки и бритвы, щетки, папилютки.
И жизнь прошла, успела промелькнуть,
Как ночь под стук обшарпанной пролетки.
Свинцовый свод. Рассвет. Дворы в воде.
Железных крыш авторитетный тезис.
Но где ж тот дом, та дверь, то детство, где
Однажды мир прорезывался, грезясь?
Где сердце друга? — Хитрых глаз прищур.
Знавали ль вы такого-то? — Наслышкой.
Да, видно, жизнь проста... но чересчур.
И даже убедительна... но слишком.

С Зинаидой Николаевной Нейгауз Пастернак познакомился в 1928 году. Красивая, смуглая, с большими карими глазами, она была полной противоположностью Евгении Владимировны. В доме у Зинаиды Николаевны всегда царил идеальный порядок, все белье накрахмалено. Была она натурой цельной, крепкой, выносливой. Пастернака потянуло к ней как к магниту. Не останавливало его ни то, что Зинаида Николаевна была замужем за Генрихом Нейгаузом, замечательным пианистом и хорошим другом Пастернака, ни то, что у нее с Нейгаузом было двое детей, ни то, что у самого Пастернака жена и сын, да и жить им с Зинаидой Николаевной было негде.

Пастернак пришел к Генриху Нейгаузу и признался в своей любви к его жене, принес два стихотворения, впоследствии включенные им в книгу стихов «Второе рождение». Одно было посвящено Нейгаузу («Дрожат гаражи автобазы...»), другое — обращено к Зинаиде Николаевне («На даче спят...»). Оба, и Пастернак и Нейгауз, плакали. После ухода Пастернака Нейгауз предложил Зинаиде Николаевне сделать выбор, но она только рассмеялась в ответ. Ни о каком уходе из семьи она и не помышляла.

Объяснение с Нейгаузом состоялось осенью 1930 года. А в июле 1931-го Зинаида Николаевна, пройдя путь метаний от Нейгауза к Пастернаку и в конце концов покорившись страсти и упорству Пастернака, согласилась поехать с ним в Грузию, куда Пастернака настойчиво звал в гости его тифлисский друг поэт Паоло Яшвили. В первый же вечер Яшвили созвал друзей-поэтов познакомиться с Пастернаком, которым он искренне восхищался. Среди гостей Паоло был и поэт Тициан Табидзе с женой Ниной Александровной, с которой впоследствии Пастернака связывала самая преданная дружба. Грузия стала для Пастернака в полном смысле «второй родиной». Он не только отдохнул здесь душой, окунувшись в теплую атмосферу гостеприимства, любви и уважения, и нашел новых друзей, но и открыл для себя удивительную красоту кавказской природы и притягательную силу современной грузинской поэзии.

В Москву Пастернак с Зинаидой Николаевной вернулись лишь в середине октября. Это было их первое совместное путешествие и начало новой семейной жизни.

В письме к Ольге Фрейденберг, двоюродной сестре и близкому другу, Пастернак писал:

«Я совершенно счастлив с Зиной. (...) Она очень простой, горячо привязывающийся и страшно родной мне человек и чудесная, незаслуженно естественная, природно сужденная мне — жена».

Между тем репрессивный каток, запущенный в Советской республике в 1920-е годы для подавления инакомыслия, набирал обороты. 23 апреля 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) была создана Федерация объединений советских писателей, через два года преобразованная в Союз писателей СССР. Впрочем, еще пять лет назад, в 1927 году, прекратилась деятельность всех литературных организаций, кроме РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей), продвигающего линию коммунистической партии. А в начале 1930-х была разработана поэтика и идеология социалистического реализма, литературного направления, в рамках которого отныне должны были работать все советские писатели без исключения. «Попутчики» подвергались гонениям. Так, в декабре 1932 года «Издательство писателей в Ленинграде» по требованию агитпропа расторгло договор с Пастернаком на пятитомное собрание его сочинений. Удалось издать только первый том.

К 1933 году Пастернаку стало ясно, что теперь лишь переводы помогут ему не потерять «формы», а кроме того, избавить семью от безденежья. Оригинальных стихов он почти не писал.

6 марта 1934 года в газете «Известия» выходит небольшая пастернаковская подборка грузинской поэзии. Переводы с языка Сталина литературным начальством приветствуются. Одним из первых Пастернака принимают в новый Союз писателей. Из коммуналки на Волхонке семья Пастернаков

въезжает в отдельную квартиру в Лаврушинском переулке. Поэту выделяется писательская дача в поселке Переделкино под Москвой.

Между тем грядет 1937 год, время массовых политических репрессий, жертвами которых стало несколько миллионов человек.

Почти каждый четвертый обитатель писательского поселка был арестован. В майском номере журнала «Октябрь» появилась изобличительная статья Н. Изгоева «Борис Пастернак», где поэт был назван «рафинированным небожителем», оторванным от жизни народа, для которого «нет еще радости в торжестве миллионов». Обвинений в идеализме и аполитичности было тогда вполне достаточно, чтобы оказаться в числе «врагов народа». Пастернак ждал ареста, но его не тронули. Почему — остается загадкой.

31 декабря 1937 года у Пастернака и Зинаиды Николаевны родился сын — Леонид. Денег катастрофически не хватало. Поэт в это время занимался в основном переводами западноевропейской лирики, за которую платили очень мало. И тут ему был сделан новый неожиданный заказ: Мейерхольд предложил Пастернаку перевести шекспировского «Гамлета». Пастернак сразу же согласился.

Противостояние личности и разыгрывающейся вокруг нее драмы — вот главная коллизия шекспировской пьесы для Пастернака, а кроме того, и его собственной жизни. История с ее революционными катаклизмами, властью тиранов и убийц и угодничеством подхалимов представляется ему жерновом, перемалывающим человеческие жизни, — противостоять этому невозможно. Идея жертвенной гибели под натиском истории связана у Пастернака с образом Христа и будет положена в основу его главного прозаического произведения — «Доктор Живаго».

Пастернак начал работу над романом зимой 1945 — 1946 года. А осенью редакция «Нового мира» попросила у него несколько стихотворений. Пастернак, в свою очередь, сообщил, что работает

над романом и готов через год предоставить его для публикации. Договор был заключен, поэту выдали аванс.¹

В октябре Пастернак зашел в редакцию, где не был почти десять лет. Там он познакомился с Ольгой Всеволодовной Ивинской, героиней его поздней лирики.

«Это был такой требовательный, такой оценивающий, такой мужской взгляд, что ошибиться было невозможно: пришел человек, единственно необходимый мне, тот самый человек, который собственно уже был со мною. И это потрясающее чудо, — пишет Ивинская в книге воспоминаний «В плену времени». — Вернулась я домой в страшном смятении...»

Она работала младшим редактором в отделе поэзии. Ольге было тридцать четыре года, Борису Леонидовичу — пятьдесят шесть. Она была очень красивой — большие светлые глаза, чуть выующиеся золотистые волосы, изящного сложения; обожала его стихи.

История их отношений растянулась на четырнадцать лет, и лишь смерть Пастернака поставила в ней точку. За эту любовь каждый из них дорого заплатил. С появлением Ольги Ивинской Пастернак вынужден был вести «двойную жизнь» — оставить Зинаиду Николаевну он считал для себя невозможным. На долю Ольги Всеволодовны выпала незавидная участь любовницы и два срока тюремного заключения.

Первый раз ее осудили в 1949 году на 5 лет — за связь с предполагаемым шпионом, а именно Борисом Пастернаком.² Пять

¹ Этот аванс впоследствии Пастернаку пришлось возвращать по суду, потому что работа над романом затянулась и не была предоставлена вовремя. Пастернак работал над романом около 10 лет. После того как рукопись была отвергнута «Новым миром», он предложил книгу в альманахе «Литературная Москва», а затем в Гослитиздат. Но опубликовать роман в Советском Союзе ему так и не удалось, и книга была передана им за границу. «Доктор Живаго» вышел в ноябре 1957 года в Италии, а затем во Франции. За полгода роман был переведен на 23 языка мира.

² Второй арест произошел после смерти Пастернака в августе 1960-го — на свободу Ивинская вышла лишь спустя четыре года.

лет по такому обвинению — срок очень небольшой. Ивинская получила так мало лишь потому, что из нее не смогли выбить никакого компромата на поэта, она все отрицала.

«Ее геройству и выдержке я обязан своей жизнью и тем, что меня в те годы не трогали», — писал Пастернак.

Пока Ивинская отбывала наказание в женской исправительной колонии в Потье, Пастернак заботился о ее семье — матери и двух детях. Тоской и болью пронизаны строки посвященного Ивинской «Свидания», написанного им во время ее пребывания в Потье:

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд...

Ивинская вернулась в 1953 году, ее освободили по амнистии. Зинаида Николаевна вынудила Пастернака дать ей обещание не возобновлять с ней отношений. Но этого обещания он сдержать не смог.

Последние годы поэта были омрачены травлей, начавшейся после публикации романа «Доктор Живаго» за границей и присуждения Нобелевской премии. В советской прессе Пастернака называли «сорняком», «Иудой», «предателем», оклеветавшим революцию и советский народ. Из Союза писателей его исключили, ему также дали понять, что советское правительство не будет чинить препятствий, если он захочет выехать из страны.